

Гоголь и Россія.

Въ «Мертвые души» Н. В. Гоголь спрашивает Русь: «Какая же неслыханная тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздаётся немолчно въ ушахъ твоихъ тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и плачетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзались и стремятся въ душу; и вьются около моего сердца? Русь чего же ты хочешь отъ меня? Какая неслыханная связь тавится между нами?.. Здѣсь ли, не въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему?..»

И кончаетъ Гоголь свои вопросы словами: «У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль. Русь!»

Гоголь и Русь синонимы. Не было бы Руся, не было бы и Гоголя. Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію.

Вотъ, почему можно говорить о Гоголѣ в Россіи.

Широкой, могучей Россіей вѣетъ отъ творчества Гоголя. Онъ какъ и Россія не знаетъ, что ему нужно. Однако творилъ, какъ и Россія то, что было нужно.

Въ немъ была безпредѣльная ширь таланта, какъ она безпредѣльна и на Русси съ ея безконечными равнинами.

Со свойственнымъ русскому человѣку талантомъ бросился онъ въ самокритику, бичуя пошлость во всѣхъ ея проявленіяхъ, но въ отиченіе отъ другихъ писателей онъ и не думалъ связывать пошлость съ общественной жизнью. Онъ не признавалъ ее ни крѣпостному праву, ни бюрократизму, въ одвообразію духовныхъ интересовъ или отсутствію послѣднихъ.

Бичуя сквозь слезы пошлость, онъ склонялся къ мысли, что пошлость знания, это—иногда роковое, неизбежное, что въ ней проявляется самая сокровенная основа человѣческой природы — ея ничтожество.

Къ 75-лѣтнему юбилею со дня смерти Н. В. Гоголя

Этого вопроса никогда не валилъ бы себя Гоголь, ибо онъ свято вѣрилъ въ Русь, вѣрилъ въ счастье русскаго народа, въ его неповѣдныя пути и миссію.

Вѣрилъ потому, что звалъ и хорошія стороны русскаго народа.

Въ своемъ письмѣ къ матери Гоголь писалъ: «въ остальныхъ частяхъ «Мертвыхъ душъ» выступаетъ русскій человекъ уже не мелочными чертами своего характера, не пошлостями и страшностями, но всей глубиной своей природы и богатымъ разнообразіемъ внутреннихъ силъ, въ немъ заключенныхъ».

Не по роковой случайности Гоголь сначала бичевалъ пошлость и темныя стороны русскаго быта, оставляя свѣтлое для будущей своей работы, а въ силу врожденнаго характера русскаго человека выдвигать на первое мѣсто все нехорошее, какъ скромности затушевывая все доброе и святое.

Это доброе, могучее своей красотой и обаятельнымъ сіяніемъ страдальческаго вѣнца, сверкало сказочными огнями таланта, передъ которымъ склонился культурный міръ, наслаждаясь всепокоряющей красотой мощи русскаго богатыря искусства, которому «было мѣсто гдѣ развернуться и пройтись».

И Гоголь безсознательно вѣрилъ въ таянственную живучесть русскаго народа, какъ инстинктивно вѣрить въ оное будущее самъ народъ, передъ которымъ все еще, несмотря на временныя преграды, широко открыты все пути къ лучшей, свѣтлой жизни.

«У, какая сверкающая, чудная незнакомая землѣ даль. Русь!»

Николай Сильвестръ.

Гоголь жилъ интересами любимой Россіи и слѣдя за ея бурнымъ движеніемъ, сравнивалъ Русь съ скачущей тройкой и спрашивалъ себя, куда она скачетъ — и не находилъ отвѣта.

Въ этомъ и была драма души Гоголя, въ этомъ была драма и Россія, пережившая невѣроятные ужасы и дожившая до страшнаго трагедіи, заставившей сжестокить задать вопросъ, да существуетъ ли Русь?